

Русские эмигранты в Маньчжурии и японский новый порядок: крушение надежд*

Сергей Смирнов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese New Order: The Collapse of Hopes

Sergey Smirnov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In imperial studies, the inclusion of diasporic groups, fragments of vanished empires, into newly formed imperial spaces remain considerably underexplored. This article is devoted to the problem of the integration of the Russian emigrant colony into the multinational community of the quasi-sovereign state of Manchukuo (1932–1945), which was a product of Japanese pan-Asian imperial construction. The option of integrating emigrants with the status of a national-cultural autonomy into the society of early Manchukuo generally suited the emigrant community. This option of maximum integration corresponded with the special role of emigration as the heir of Russian colonisers of the Manchurian region and the bearer of the mission of preserving Russian culture in exile. Very quickly, the integration process ran into an insurmountable contradiction between the ideal model of organising Manchukuo on the principles of national-cultural federalism and the real imperial practice of governing the peoples ruled by Japan. Japanese pan-Asian nation-building, which after the late 1930s turned towards the creation of a single East Asian nation, began to threaten emigration with the loss of national identity. This threat, along with the forcible politicisation and mobilisation of the colony to solve Japan's imperial problems, intensified protective tendencies in the

* *Citation:* Smirnov, S. (2022). Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese *New Order: The Collapse of Hopes*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 440–454. DOI 10.15826/qr.2022.2.680.

Цитирование: Smirnov S. Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese *New Order: The Collapse of Hopes* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 440–454. DOI 10.15826/qr.2022.2.680 / Смирнов С. Русские эмигранты в Маньчжурии и японский новый порядок: крушение надежд // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 440–454. DOI 10.15826/qr.2022.2.680.

emigrant environment and contributed to some emigrants refusing integration strategies. Almost the only successful example of the inclusion of emigrants into Manchukuo society was the so-called frontier integration of the Russian Cossack population of Sanhe Qu (so-called Three-River Region) bordering the USSR. Another important factor that stimulated the refusal of emigrants to integrate was the growth of pro-Soviet patriotism during the Great Patriotic War. The article is based on materials from periodicals and other print media of Russian emigrants in China, documents from emigrant organisations and Japanese special services, and emigrant ego-documents.

Keywords: Russian emigration, pan-Asianism, imperial consciousness, integration, Manchukuo, Japan

Малоизученными в имперских исследованиях (Imperial Studies) остаются процессы включения диаспоральных групп, осколков исчезнувших империй, во вновь образуемое имперское пространство. Статья посвящена проблеме интеграции русской эмигрантской колонии в многонациональное сообщество квазисуверенного государства Маньчжоу-го (1932–1945), являвшегося продуктом паназиатского имперского конструирования Японии. Исследование основано на материалах периодических и других печатных изданий русской эмиграции в Китае, документах эмигрантских организаций и японских спецслужб, эмигрантских эго-документах. Предложенный на раннем этапе существования Маньчжоу-го вариант включения эмигрантов в сообщество народов нового государства в статусе национально-культурной автономии в целом устраивал эмигрантскую общину и соответствовал особой роли эмиграции как наследницы русских колонизаторов маньчжурского края и носительницы миссии сохранения русской культуры в изгнании. Процесс интеграции столкнулся с непреодолимым противоречием между идеальной моделью организации Маньчжоу-го на принципах национально-культурного федерализма и реальной имперской практикой управления Японией подопечными народами. Паназиатское нациестроительство Японии, с конца 1930-х гг. повернувшееся к созданию единой японизированной восточноазиатской нации, стало угрожать эмигрантской колонии, и без того полупринудительно политизированной и мобилизованной для решения японских имперских задач, утратой национальной идентичности. Это активизировало охранительные тенденции в эмигрантской среде и способствовало отказу значительной части эмигрантов от интеграционных стратегий. Едва ли не единственным успешным примером включения эмигрантов в общество Маньчжоу-го явилась фронтальная интеграция русского казачьего населения приграничного с СССР Трехречья. Другим важным фактором, стимулировавшим отказ эмигрантов от интеграции, был рост просоветского патриотизма в эмигрантской среде в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: русская эмиграция, паназиатизм, имперское сознание, интеграция, Маньчжоу-го, Япония

Создание в марте 1932 г. на северо-востоке Китая под эгидой Японии «независимого» государства Маньчжоу-го положило начало реализации японского паназиатского проекта – объединения народов Восточной Азии с целью освобождения от империалистического гнета и достижения высокого уровня общественного прогресса. Японский «новый порядок» стал серьезным вызовом для русской эмиграции, сформировавшейся в Китае после российской революции 1917 г. и Гражданской войны и насчитывавшей в начале 1930-х гг. свыше 100 тыс. чел. По сути, эмиграции, идейной наследнице русского (западного) империализма, был предложен проект интеграции в строящуюся федерацию восточноазиатских наций, требовавший существенной трансформации сознания эмигрантов.

Изучение «ответа» эмигрантского сообщества, чье сознание во многом оставалось имперским, на паназиатский (империалистический) вызов Японии представляется наиболее плодотворным в контексте так называемых имперских исследований (Imperial Studies), активно применяемых при анализе имперских практик Российской и Японской империй [Ремнев; Схиммелпеннинк ван дер Ойе; Duara; DuBois; Hotta]. Источниками нашего исследования послужили материалы периодической печати и различных печатных изданий эмиграции, документы эмигрантских организаций и японских спецслужб, эмигрантские эго-документы.

Деятельность России на северо-востоке Китая на рубеже XIX–XX вв. стала пиком в развитии русского империализма. Строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и освоение маньчжурского края преследовали не только экономические и политические цели, но и реализовывали цивилизаторскую миссию Российской империи как носительницы идеи прогресса и передовой западной культуры [Ремнев; Схиммелпеннинк ван дер Ойе; Chiasson]. Сформированная рядом двусторонних российско-китайских соглашений зона площадью свыше 1300 км² вдоль прохождения КВЖД – полоса отчуждения – имела многие признаки колониального владения [Друзьяка].

Падение Российской империи, крах белого движения и «антиимпериалистическая» позиция пришедших к власти в России большевиков предоставили китайским властям благоприятную возможность для демонтажа российских империалистических институтов в Маньчжурии. Демонтаж осуществлялся администрацией так называемых трех восточных провинций во главе с маршалом Чжан Цзолинем, лидером мукденской милитаристской группировки, и являлся частичным и компромиссным [Chiasson]. Во-первых, маньчжурские власти были вынуждены учитывать мнение держав-концессионеров, и без того обеспеченных создавшимся прецедентом, демонстрируя способности «цивилизованно» управлять иностранцами и сохранить высококвалифицированные кадры из числа русских, которые были необходимы для экономического развития края и усиления армии. Во-вторых, установление совместного советско-китайского управления КВЖД (1924)

лишало администрацию Особого района трех восточных провинций (ОРВП), которая являлась переходной формой управления на территории бывшей полосы отчуждения, полной самостоятельности. Фактический поворот советской России к колониальной практике в Маньчжурии, что противоречило советской интернациональной риторике, обеспечил сохранение в крае мощного российского присутствия, этносоциальной базой которого являлось русскоязычное население, и привел к обвинению большевиков со стороны части китайской интеллигенции в политике «красного империализма».

В процессе реформирования в ОРВП была сформирована гибридная система правового регулирования, русские служащие были представлены в системе охраны правопорядка и армии. В сферах образования, культуры и религии эмигрантская колония сохранила высокий уровень автономии. Русские (советские и китайские подданные) по-прежнему занимали доминирующее положение в структурах железной дороги, играли важную роль в промышленно-аграрной и торговой сферах Маньчжурии [Белоглазов].

Мероприятия маньчжурской администрации в ОРВП стали первым серьезным вызовом для бывших российских «империалистов», но не имели реального потенциала для интеграции русских эмигрантов в местное общество. Русские, ранее пользовавшиеся особыми правами, как и все иностранцы в Китае, были причислены к разряду «иностранцев», подчиненных китайским законам, и часто позиционировались в качестве «гостей», к которым китайское государство в период бедствий, постигших их страну, проявило сострадание и участие, что указывало на временный характер их пребывания на китайской территории. Из-за нежелания китайской администрации и давления на китайцев советской стороны эмигранты не получили права учредить официальное представительство, которое бы отстаивало их интересы перед китайскими властями. Достаточно простая процедура принятия китайского гражданства в ОРВП, не требовавшая натурализации, рассматривалась русскими как вынужденная мера и не являлась интеграционной стратегией [Наземцева, с 139].

Другими факторами, препятствовавшими интеграции русских в китайское общество, являлись его культурно-религиозная чуждость и традиционная закрытость, опасения эмигрантов в отношении политического заигрывания маньчжурской администрации с большевиками и ее неспособность в случае войны, как показал советско-китайский вооруженный конфликт на КВЖД 1929 г., отразить советскую агрессию.

Но главное – сознание членов эмигрантского сообщества, а также значительной части местных советских, оставалось во многом имперским, что усугублялось мотивом особой миссии – сохранения национальной культуры в изгнании для дальнейшего ее возвращения на родину. Китай воспринимался русскими как страна отсталая, слаборазвитая, что выражалось в политической нестабильности,

отсутствии современной системы управления и правовых норм, зачаточном состоянии современного производства и инфраструктуры, низком уровне жизни значительной части коренного населения и «нецивилизованности» нравов [Смирнов, 2012]. Наоборот, влияние на Китай России как части передового западного мира по-прежнему позиционировалось в характеристиках «прогресса» и «развития» [Иванов, с. XV; Исторический обзор, т. 1, с. 1, 2].

Появление на территории Маньчжурии «независимого» государства Маньчжоу-го (с 1934 г. – Маньчжурская империя) явилось результатом перехода Японии к новой стратегии развития, имевшей паназиатскую природу. В раннеимперский период (конец XIX – начало XX в.) Япония в целом следовала западной модели империализма, выделяя себя среди азиатских соседей не только национальной исключительностью («дух Ямато»), но и приверженностью западным идеям прогресса и цивилизации. Именно в этих характеристиках позиционировала свою деятельность в Маньчжурии полугосударственная компания «Мантэцу», управлявшая Южно-Маньчжурской железной дорогой. После Первой мировой войны, положительные результаты которой для Японии были почти сведены к нулю Вашингтонской конференцией (1922), японский империализм приобрел антиимпериалистический характер [Hotta, p. 108, 112]. Развернулась пропаганда объединения имеющих общие этнокультурные и духовные основания восточноазиатских народов, способного привести к выдворению как западного, так и советского империализма из Восточной Азии.

Согласно основополагающим документам Маньчжоу-го, новое государство строилось на фундаменте паназиатского по духу объединения пяти равноправных наций – маньчжуров, китайцев (хань), монголов, японцев и корейцев, руководствовавшихся конфуцианским принципом *ван дао* [Сборник законов, с. 5]. В терминах современного нациестроительства государственное объединение пяти наций должно было осуществляться на базе принципа национально-культурного федерализма. Для осуществления идеи мирного сотрудничества народов Маньчжоу-го (*gozoku kyowa*) в деле строительства нового государства было создано общество «Киовакай» (*кит.* «Сехэуэй» – «Общество согласия»), единственная общегосударственная идеологическая, культурная и политическая организация, охраняющая дух основания государства.

Значительная часть русских эмигрантов первоначально позитивно отнеслась к созданию нового государства. С ним связывали реализацию надежд, так и не осуществленных при китайской администрации: наделение эмигрантов правами национального меньшинства согласно статуту Лиги Наций, упорядочение налоговых обязательств наряду с другим населением Маньчжурии, право участия в правительстве и муниципалитете, учреждение центрального русского представительства, свободное поселение на землю [Наземцева, с. 216]. В эмигрантской прессе высказывались предположения о вхождении русских

в качестве шестой нации в состав содружества наций Маньчжоу-го, изгнании с железной дороги большевиков [НПА. Pin (I. S.) clipping collection, 1931–1932]. Япония позиционировалась как «культурное» государство, в отличие от Китая, союзник России и белого движения в Первой мировой и Гражданской войнах, единственная держава, готовая открыто противостоять коммунизму, со стороны которой эмигрантские антибольшевики могли получить поддержку [Голос России, 1932, № 11, с. 6; Грядущая Россия, 1934, № 14, с. 2].

Однако вскоре прояпонский пыл в эмигрантской массе существенно охладел. ОРВП сохранил свой особый статус, изменилось только название – Особый район Северной Маньчжурии (существовал до 1936 г.), и были существенно сокращены полномочия главноначальствующего. В Токио не хотели жесткой конфронтации с СССР и всемерно подчеркивали дружественные отношения между Маньчжоу-го и Советским Союзом. Поэтому эмигранты не получили ни особого статуса, ни представительства. Включение русских в федерацию народов Маньчжоу-го в качестве еще одной нации противоречило доктрине паназиатизма, поскольку не имело под собой ни этнокультурных, ни религиозных оснований [DuBois, p. 69].

Японцы видели решение правовых проблем в переходе эмигрантов в подданство нового государства. С такой инициативой выступило в 1932 г. созданное в Мукдене и претендовавшее на статус общеэмигрантского Русское общество в Маньчжурии и Монголии, в состав руководства которого входили связанные с японцами лица. Однако этот демарш был воспринят политическими кругами эмиграции как национальное предательство, и общество, не получив поддержки эмигрантской массы, вскоре распалось [Мелихов, с. 266–269]. В итоге за эмигрантами сохранился правовой статус иностранцев, постоянно проживающих на маньчжурской территории и подчиненных законам Маньчжоу-го, а также имеющим одинаковые со всеми другими категориями населения привилегии и защиту прав со стороны государства [Сборник законов, с. 5].

Снижению уровня эмигрантских надежд способствовал и хозяйственный кризис в Маньчжурии, усугублявшийся вооруженным японо-китайским противостоянием, особенно на востоке ОРВП, а также усилившаяся экономическая экспансия Японии. Внутренняя обстановка в колонии (прежде всего в Харбине) накалилась, чему особенно способствовал вопрос объединения эмиграции, актуализируемый как эмигрантскими, так и японскими политическими кругами.

Наибольшие «дивиденды» от создания Маньчжоу-го получили антисоветские политические круги эмиграции, занявшие ведущее положение в колонии, особенно те организации, которые видели в Японии единственного союзника в борьбе против большевистского режима. Главной прояпонской силой эмиграции в Маньчжоу-го стал сформированный в 1932–1933 гг. альянс Русской фашистской партии, Дальневосточного союза казаков и части легитимистов, сто-

ронников великого князя Кирилла Владимировича. Именно под их руководством и при непосредственном участии японских спецслужб осуществлялся процесс консолидации эмиграции, завершившийся в середине 1930-х гг. после ухода из Маньчжурии Советского Союза. Другие политические организации эмиграции, имевшие руководящие центры в Европе и проявившие недостаточную лояльность в отношении Японии, были ликвидированы, а их активные члены выдворены за пределы Маньчжоу-го.

Консолидация эмиграции рассматривалась японскими властями как обязательное условие для максимально полного использования потенциала эмигрантской колонии в строительстве нового государства, что хорошо показывает доклад начальника Японской военной миссии (ЯВМ) в Харбине полковника Комацубара Мититаро о важности политики покровительства белым русским в Маньчжоу-го (1933) [Русская военная эмиграция, с. 391–394]. Пример русских эмигрантов должен был демонстрировать позитивные изменения в отношении властей нового государства ко всем иностранцам, права которых якобы попирались староманьчжурской администрацией, и способствовать формированию привлекательного образа Маньчжоу-го в среде русской эмиграции всего мира и общественности западных стран. Кадровый потенциал и опыт эмигрантской колонии в экономическом и культурном развитии Северной Маньчжурии должны были найти применение в экономической модернизации и повышении качества государственной обороны Маньчжоу-го. Наконец, эмиграцию предполагалось использовать в качестве инструмента давления на Советский Союз [Там же], чей уход из Маньчжурии, помимо реализации пропагандистских целей – избавления от «красного» империализма, открывал Японии широкие возможности для экономического освоения края и укрепления ее национальной безопасности.

Из трех направлений работы по использованию потенциала русской эмиграции меньше всего реализовалось первое. Маньчжоу-го не было признано международным сообществом, а часть эмигрантов, являвшихся членами запрещенных японцами организаций или «обиженных» новой властью, развернула ожесточенную критику Маньчжурской империи в эмигрантских центрах Северного и Восточного Китая [ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 565. Л. 28. Д. 46234. Л. 1, 4; Лешко; Статьи М. Колосовой]. Между тем японцы не отказались использовать пример русской эмиграции в Маньчжоу-го в качестве пропаганды мирного сотрудничества западного и восточных народов.

Казалось бы, с середины 1930-х гг. перед эмигрантами открылись благоприятные условия для интеграции в общество Маньчжоу-го на принципах национально-культурного федерализма. Эмиграция в лице созданного в декабре 1934 г. в Харбине Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) получила собственный официальный орган, представлявший ее интересы перед властями империи. Руководящую роль в бюро заняли члены

фашистско-легитимистско-семеновского альянса, видевшие будущее эмиграции, в том числе в деле свержения советского режима в России, в тесном сотрудничестве с Японией и Маньчжоу-го. Во второй половине 1930-х гг. эмигрантские представительские структуры охватили сеть районных бюро, их отделений и представительств все территории Маньчжоу-го, где проживали русские эмигранты [Аурилене, Потапова, с. 39, 42]. При Главном бюро в Харбине был создан Совет национальностей (1942), тем самым был реализован принцип федеративного устройства самого многонационального эмигрантского сообщества, что подкреплялось выдвинутой атаманом Семеновым, объявленным японцами вождем эмиграции, идеей россизма как идеологической основой будущего российского государственного объединения народо-племенных автономий с равными для всех правами [Атаман Семенов, с. 208]. На западной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшей КВЖД) и в Трехречье (приграничной с СССР территории в бассейне правых притоков Аргуни – рек Ган, Дербул и Хаул), где концентрировалась основная масса эмигрантов-казаков, были учреждены традиционные структуры казачьего самоуправления – поселковые и станичные управления.

В национальных сферах (культура, образование, религия) эмиграция сохранила значительную автономию [Аурилене, Потапова, с. 61–74]. Даже образовательная реформа 1937 г., которая обычно рассматривается в контексте политики японизации [Белоглазова], не уничтожила русскую школу, а лишь привела к ее унификации и более высокой степени включенности в общегосударственную образовательную систему. Православная церковь, освобожденная от советского давления, существенно расширила рамки своей работы – появились религиозное образование, просветительские и издательские структуры. Эмигранты имели официальный перечень собственных национальных праздников и памятных дат, которые отмечались наряду с общеимперскими.

Своеобразной «вывеской» русской культурно-национальной автономии в Маньчжоу-го стали русские казачьи районы на северо-западе Маньчжурии. Восстановление казачьих самоуправленческих структур, сопровождавшееся возвращением казакам прежних воинских чинов, способствовало развитию движения за возрождение казачьего быта, направляемого структурами Захинганского БРЭМ [ГАХК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 17а; Зарубежный казак, 1940, сент.], и укреплению казачьего самосознания. Казачьи праздники с их неизменной лихой джигитовкой стали неотъемлемой частью не только русской, но и общегосударственной культурной жизни. Все это в немалой степени обеспечивалось экономическим подъемом. В отличие от сфер промышленности и инфраструктуры быстро модернизирующегося Маньчжоу-го, где лидирующее положение занимали японцы, именно в развитии сельского хозяйства русские добились наиболее значительных успехов, что привело к росту бла-

госостояния и положительной динамике прироста сельского населения [ГАХК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 14].

Японцы активно изучали русский опыт аграрного производства, а также быт и традиции казаков [Дальний Восток СССР, с. 640, 641]. Кроме того, японские власти пытались использовать российский опыт охраны пограничных территорий казаками. В районах расселения казаков были организованы волонтерско-ополченческие подразделения, объединенные в 1941 г. в Захинганский казачий корпус. Однако вооружить и перевести на регулярную основу эти структуры японцы не решились [Смирнов, 2019, с. 550–553].

В области общегосударственного строительства в Маньчжоу-го перед эмигрантами стояли две основные задачи, сформулированные японскими кураторами и эмигрантским политическим авангардом, – установление духовной связи и тесного сотрудничества между эмиграцией, охранительницей русской национальной культуры, и восточноазиатскими народами и борьба против Коминтерна [Великая Маньчжурская Империя, с. 300; Движение молодежи, с. 10].

В рамках решения первой задачи в эмигрантской среде была развернута широкая популяризация сведений об истории, обычаях, быте, религиозных верованиях восточноазиатских народов, среди которых особое место отводилось японцам. Главную роль в деле популяризации знаний о дружественных народах играла эмигрантская пресса – журналы «Луч Азии», «Восточное обозрение», газеты «Харбинское время», «Голос эмигрантов» и др. Посредством прессы эмигрантская администрация вовлекала русскую общественность в общегосударственную пропагандистскую активность, в частности, в конкурсы политических лозунгов и сочинений паназиятского и антикоминтерновского характера.

«Востоковедческая» активность эмиграции, достигшая своего пика на рубеже 1930–1940-х гг., в своем содержании имела ориенталистскую природу – презентацию идеализированного (но позитивного) образа Востока. Знакомство эмигрантов с культурой и историей восточноазиатских народов должно было способствовать духовному взаимодействию и превращению русских, согласно конфуцианской риторике, в членов одной большой государственной семьи [Движение молодежи, с. 42]. В развитии духовного взаимодействия между народами Маньчжоу-го важная роль отводилась изучению японского языка. Знание языка определялось как «ключ к личному благополучию и основа дружбы народов» [Харбинское время, 1939, 21 янв.].

Борьба против Коминтерна, которая в паназиятской риторике Японии приобрела особое место с началом японо-китайской войны (1937–1945) в связи с военно-технической поддержкой Советским Союзом Китайской Республики, считалась естественной задачей эмиграции, вытекавшей из ее политического характера [Движение молодежи, с. 10]. Народы Маньчжурской империи в силу «отчетливого выражения антикоммунистического элемента в духовных и иде-

ологических основах государства» позиционировались эмиграцией в качестве «идейных соратников в общей борьбе» [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36509. Л. 94]. Разгром мирового коммунизма был напрямую связан с возвращением эмигрантов на родину. Вместе с тем ни о какой самостоятельной роли эмиграции в этой борьбе речи не шло, все определялось интересами и целями Японии.

Несмотря на существенные перемены в жизни русской колонии, интеграционные стратегии, как показывают эмигрантские источники, не стали доминирующими в эмигрантской среде, особенно в Харбине. Эмигрантское бюро в первое время работы подверглось ожесточенной критике политических противников как организация прояпонская, созданная с целью превратить эмиграцию в «попкорное стадо», а его сотрудники изображались в самых черных красках [MRC. Русская эмиграция на Дальнем Востоке. Vox 1(Инф. № 1 от 25 сент. 1935 г.). Vox 3 (Ф. Дитерихс – Миллер)]. Только угрозами репрессий удалось заставить часть эмигрантов регистрироваться в структурах бюро. Многих пугала развернутая администрацией БРЭМ насильственная политизация эмиграции, возможность превратиться в «пушечное мясо» в противостоянии Японии и СССР. Наконец, антиинтеграционные установки эмиграции подпитывало и ее имперское сознание, в той или иной мере сохранявшееся в 1930-е гг.

Ударом по русскому имперскому сознанию стала окончательная потеря для России после продажи СССР своей доли правительству Маньчжоу-го КВЖД (1935), олицетворения русского лидерства в экономическом и культурном прогрессе маньчжурского края. Единственным покровителем и учителем восточноазиатских народов, гарантом безопасности и процветания Маньчжоу-го всей мощью СМИ (в том числе и эмигрантской печатью) теперь превозносилась Япония. На фоне парадных реляций о качественных переменах в жизни Харбина и быстром экономическом и культурном развитии русского Трехречья [Луч Азии, 1941, № 9; Рубеж, 1941, № 40] контрастно выглядят дневниковые записи и зарубежные публикации эмигрантов, рисующие запустение и упадок Харбина, постепенное угасание его русского духа [ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10, 11; Лидин, с. 311–321]. Угасающий русский Харбин превратился в бренд японской туристической индустрии, визуализируясь прежде всего в двух образах – православных храмах и русских женщинах.

Контраст между позиционируемыми в эмигрантских кругах представлениями о Японии как союзнике и стране со схожей государственной идеей (признание Божественного источника верховной власти) и настойчивым воспитанием пиетета у «братских» народов Маньчжоу-го перед Божественной японской нацией, а также полупринудительное привлечение к деятельности японских спецслужб способствовали оживлению в русском сознании образа японцев как бывших врагов и азиатов, олицетворяющих «желтую опасность» для мира цивилизации [ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Д. 11. Л. 36].

Дальнейшее развитие интеграционной политики в отношении русских эмигрантов со стороны властей Маньчжоу-го в конце 1930-х гг. лишь усилило антиинтеграционные установки в эмигрантской колонии. В это время в официальной пропагандистской риторике Маньчжоу-го русские все чаще стали упоминаться как один из пяти народов империи, тогда как японцы заняли особое место покровителя и духовного стержня формирующегося восточноазиатского единства. Показательно, что с этого времени на пропагандистских плакатах и открытках в составе пяти представителей наций Маньчжоу-го неизменно присутствует европеец.

В структурах «Киовакай» появился русский отдел, русские делегаты с 1940 г. стали участвовать в работе всеманьчжурских съездов Общества согласия. Были созданы русские отделения молодежных структур «Киовакай», курсы для подготовки руководителей эмигрантской молодежи. Эмигранты, жители городов, были зачислены в состав тонари-гуми (соседских общин) по месту проживания. В государственных вузах Маньчжурской империи стали выделяться квоты для эмигрантской молодежи, а русские вузы практически исчезли. Русских включили в состав армии Маньчжоу-го, в 1940 г. для них, как и для других народов империи, была введена обязательная воинская повинность.

Эти изменения происходили на фоне трансформации японского проекта паназиатского единства, обусловленной японо-китайской войной, от идеи национально-культурной федерации к единой восточноазиатской нации, основывающейся на «духе Ямато» и японской культуре [Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-го, гл. 3]. В годы Великой Восточноазиатской войны (1941–1945) политика японизации в Маньчжоу-го еще больше усилилась, ее объектом стала и эмигрантская колония, что способствовало активизации охранительных тенденций в эмигрантской среде и росту патриотических настроений, и без того стимулировавшихся Великой Отечественной войной советского народа.

Таким образом, невозможность интеграции русской эмигрантской колонии в многонациональное общество Маньчжоу-го, помимо социокультурной «пропасти» между русским и восточноазиатскими социумами, была обусловлена целым комплексом причин: противоречиями в реализации паназиатского проекта Маньчжоу-го, вызванными прежде всего конфликтом между идеей японской исключительности и принципом равенства наций; нестабильностью военно-политической ситуации в Китае, особенно обостренной японо-китайской войной с ее мощным всплеском антияпонского патриотизма, что сводило к нулю все успехи экономического «чуда» Маньчжоу-го; сохранением в эмигрантском сознании имперских элементов, подпитывавшихся полуколониальной обстановкой Китая и отчасти «империалистическим» присутствием в Маньчжурии Советского Союза. Идея особой миссии России на Востоке стала для русских эмигрантов в Китае частью общеэмигрантской миссии сохранения русской культуры в изгнании.

Сознание эмигрантской колонии очень болезненно реагировало на действия японцев, направленные против российских национальных интересов на Дальнем Востоке, и на экспансионистскую пропаганду в духе «великая Япония до Урала».

Вместе с тем период существования Маньчжоу-го дает и позитивный пример интеграции эмигрантов, демонстрируемый русским казачьим населением северо-западной Маньчжурии. Такой вариант можно обозначить как фронтирную интеграцию, отличительными признаками которой являлись высокий уровень этнической гомогенности эмигрантских поселков, относительная управленческая и хозяйственная автономия, гибкость культурно-бытовых норм, обусловленная опытом проживания в зоне порубежья, а также сохранение ситуации фронтирности в реалиях Трехречья.

Список литературы

- Атаман Семенов.* О себе : Воспоминания, мысли и выводы. [Б. м.] : [Б. и.], 1938. 240 с.
- Аурилене Е. Е., Потапова И. В.* Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». Хабаровск : [Б. и.], 2004. 128 с.
- Белоглазов Г. П.* Аграрный строй Маньчжурии и русский фактор в становлении и модернизации аграрно-промышленной сферы региона в первой трети XX в. // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 79–84. DOI 10.30853/mns200505.
- Белоглазова С. Б.* Русские школы в контексте образовательной реформы 1937 г. в Маньчжоу-Ди-Го // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 212–222.
- Великая Маньчжурская Империя : К десятилетнему юбилею. Харбин : Гос. организация Кио-ва-кай и Гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. 417 с.
- ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36509.
- ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2, 10, 11.
- ГАХК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 14, 17а; Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 565, 46234.
- Голос России. 1932. № 11.
- Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-го : ист. очерки / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Отгиск, 2016. 254 с.
- Грядущая Россия. 1934. № 14.
- Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. Н. Н. Крадина. Владивосток : Дальнаука, 2020. 944 с.
- Движение молодежи Кио-ва : в 2 кн. [Б. м.] : [Б. и.], 1943. Кн. 1. 119 с.
- Друзья А. В.* Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД: «русские колонии» или «арендованные территории»? // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 94–105.
- Зарубежный казак. 1940. Сент.
- Иванов В. Н.* Мы : Основы русской государственности. Харбин : Бамбуковая роща, 1926. XVI, 370 с.
- Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. / по поручению правления о-ва и под ред. специальной комиссии сост. агент. правления о-ва Е. Х. Нилус. Харбин : Тип. Кит. Вост. жел. дор. и т-ва «Озо», 1923. [Т. 1.] 690 с.
- Лешко О.* Русские в Маньчжуго. Шанхай : [Б. и.], 1937. 132 с.
- Лидин Н.* Русская эмиграция на Дальнем Востоке // Русские записки. 1937. № 1. С. 311–321.
- Луч Азии. 1941. № 9.
- Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М. : Рус. путь, 2007. 320 с.

Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб. : Алетей, 2016. 446 с.

Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 548 с.

Рубеж. 1941. № 40.

Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века : Документы и материалы : [в 10 т.]. Т. 8. Противостояние. 1927–1941 гг. / сост. В. А. Авдеев, Ю. А. Алексеев и др. М. : [Б. и.], 2016. 976 с.

Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке / сост. М. Огуси. Вып. 1. Харбин : [Б. и.], 1935. 1258 с.

Смирнов С. В. «Китайщина»: Китай глазами русских эмигрантов (1920–30-е гг.) // Общество и государство в Китае. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2012. Т. 42, ч. 2. С. 276–284.

Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). М. : ЛитРес : Самиздат, 2019. 712 с.

Статьи М. Колосовой в газетах // Вспомнить, нельзя забыть : Стихи Марианны Колосовой / сост. В. А. Суманосов. Барнаул : Алтай. дом печати, 2011. С. 596–628.

Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 211–227.

Харбинское время. 1939. 21 янв.

Chiasson B. R. Administering the Colonizer: Manchurian's Russian under Chinese Rule, 1918–1929. Vancouver ; Toronto : UBC Press, 2010. 285 p.

Duara P. The New Imperialism and the Post-Colonial Developmental State: Manchukuo in Comparative Perspective // *The Asia-Pacific J*. 2006. Vol. 4, № 1. P. 1–17.

DuBois T. D. Local Religion and the Imperial Imaginary: The Development of Japanese Ethnography in Occupied Manchuria // *Am. Historical Rev*. 2006. Vol. 111, № 1. P. 52–74.

ИИА. Иин (I. S.) clipping collection, 1931–1932.

Hotta E. Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. 304 p.

MRC. Русская эмиграция на Дальнем Востоке. Вох 1 (Информация № 1 от 25 сент. 1935 г.). Вох 3 (Ф. Дитерихс – Миллер).

References

Ataman Semenov. (1938). *O sebe. Vospominaniya, mysli i vyvody* [About Me. Memories, Thoughts, and Conclusions]. S. l., S. n. 240 p.

Aurilene, E. E., Potapova, I. V. (2004). *Russkie v Man'chzhou-Di-Go: "Emigrantskoe pravitel'stvo"* [Russians in Manchukuo: "The Emigrant Government"]. Khabarovsk, S. n. 128 p.

Avdeev, V. A., Alekseev, Yu. A. (Eds.). (2016). *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov XX veka: Dokumenty i materialy. T. 8. Protivostoyanie. 1927–1941 gg.* [Russian Military Emigration in the 1920s–40s: Documents and Materials. Vol. 8. Confrontation. 1927–1941]. Moscow, S. n. 976 p.

Bazarov, B. V. (Ed.). (2016). *Gosudarstvennaya i kvazigosudarstvennaya priroda Man'chzhou-Go: istoricheskoe ocherki* [The State and Quasi-State Nature of Manchukuo: Historical Essays]. Irkutsk, Ottisk. 254 p.

Beloglazov, G. P. (2020). Agrarnyi stroi Man'chzhurii i russkii factor v stanovlenii i modernizatsii agrarno-promyshlennoi sfery regiona v pervoi treti XX v. [The Agrarian System of Manchuria and the Russian Factor in the Formation and Modernisation of the Agrarian and Industrial Sphere of the Region in the First Third of the 20th Century]. In *Manuskript*. Vol. 13. Iss. 11, pp. 79–84. DOI 10.30853/mns200505.

Beloglazova, S. B. (2015). Russkie shkoly v kontekste obrazovatel'noi reformy 1937 g. v Man'chzhou-Di-Go [Russian Schools in the Context of the Educational Reform of 1937 in Manchu-Di-Go]. In *Rossiia i ATR*. No. 4, pp. 212–222.

Chiasson, B. R. (2010). *Administering the Colonizer: Manchurian's Russian under Chinese Rule, 1918–1929*. Vancouver, Toronto, UBC Press. 285 p.

Druzyaka, A. V. (2021). Kvantunskaya oblast' i polosa otchuzhdeniya KVZhD: "russskie kolonii" ili "arendovannyye territorii"? [The Kwantung Region and the CER Exclusion Zone: "Russian Colonies" or "Leased Territories"?]. In *Rossiya i ATR*. No. 3, pp. 94–105.

Duara, P. (2006). The New Imperialism and the Post-Colonial Developmental State: Manchukuo in Comparative Perspective. In *The Asia-Pacific J.* Vol. 4. No. 1, pp. 1–17.

DuBois, T. D. (2006). Local Religion and the Imperial Imaginary: The Development of Japanese Ethnography in Occupied Manchuria. In *Am. Historical Rev.* Vol. 111. No. 1, pp. 52–74.

Dvizhenie molodezhi Kio-va v 2 kn. [Kyo-wa Youth Movement. 2 Books]. (1943). S. I., S. n. Book 1. 119 p.

GAAOSO [State Archive of Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R-1. List 2. Dos. 36509.

GAKhK [The State Archive of Khabarovsk Krai]. Stock R-829. List 1. Dos. 14, 17a; Stock R-830. List 3. Dos. 565, 46234.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-6599. List 1. Dos. 2, 10, 11. *Golos Rossii* [Golos Rossii]. (1932). No. 11.

Gryadushchaya Rossia [Gryadushchaya Rossia]. (1934). No. 14.

HIA. Ilin (I. S.) clipping collection, 1931–1932.

Hotta E. (2007). *Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945*. N. Y., Palgrave Macmillan. 304 p.

Ivanov, V. N. (1926). *My. Osnovy russkoi gosudarstvennosti* [Us. The Foundations of Russian Statehood]. Harbin, Bambukovaya roshcha. XVI, 370 p.

Kharbinskoe vremya [Kharbinskoe Vremya]. (1939). January 21.

Kradin, N. N. (Ed.). (2020). *Dal'nii Vostok SSSR: 1941–1945 gg.* [The Far East of the USSR: 1941–1945]. Vladivostok, Dal'nauka. 944 p.

Leshko, O. (1937). *Russkie v Man'chzhugo* [Russians in Manchukuo]. Shanghai. S. n. 132 p.

Lidin, N. (1937). Russkaya emigratsiya na Dal'nem Vostoke [Russian Emigration in the Far East]. In *Russkie zapiski*. No. 1, pp. 311–321.

Luch Azii [Luch Azii]. (1941). No. 9.

Melikhov, G. V. (2007). *Rossiiskaya emigratsiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na Dal'nem Vostoke (1925–1932)* [Russian Emigration in International Relations in the Far East (1925–1932)]. Moscow, Russkii put'. 320 p.

MRC. Russkaya emigratsiya na Dal'nem Vostoke [Russian Emigration in the Far East]. Box 1 (Information No. 1, 25 Sept. 1935); Box 3 (F. Diterikhs – Miller).

Nazemtseva, E. N. (2016). *Na diplomaticheskom urovne: roblem pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh (1920–1940-e gg.)* [At the Diplomatic Level: Problems of the Legal Status of Russian Emigrants in China in Soviet-Chinese Relations (1920–1940s)]. St Petersburg, Aleteiya. 446 p.

Nilus, E. Kh. (Ed.). (1923). *Istoricheskii obzor Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi. 1896–1923 gg.* [Historical Overview of the Chinese Eastern Railway. 1896–1923]. Harbin, Tipografiya Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi I Tovarishchestva "Ozo". Vol. 1. 690 p.

Ogusi, M. (Ed.). (1935). *Sbornik zakonov i rasporyazhenii Man'zhu-Di-Go na russkom yazyke* [Collection of Laws and Orders of Manchu-Di-Go in Russian]. Iss. 1. Harbin. S. n. 1258 p.

Remnev, A. V. (2004). *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [The Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 548 p.

Rubezh [Rubezh]. (1941). No. 40.

Schimmelpenninck van der Oye, D. (2001). Ideologii imperii v Rossii imperskogo perioda [Ideologies of Empire in Russia during the Imperial Period]. In *Ab Imperio*. No 1–2, pp. 211–227.

Smirnov, S. V. (2012). "Kitaiichshina": Kitai glazami russkikh emigrantov (1920–1930-e gg.) ["Chinoiserie": China through the Eyes of Russian Emigrants (1920–30s)].

In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN. Vol. 42. Part 2, pp. 276–284.

Smirnov, S. V. (2019). *Dal'nevostochnyi tupik: russkaya voennaya emigratsiya v Kitae (1920 – konets 1940-kh gg.)* [Far Eastern Dead End: Russian Military Emigration in China (1920 – Late 1940s)]. Moscow, LitRes, Samizdat. 712 p.

Stat'i M. Kolosovoi v gazetakh [Articles by M. Kolosova in Newspapers]. (2011). In Sumanosov, V. A. (Ed.). *Vspomnit', nel'zya zabyt'. Stikhi Marianny Kolosovoi*. Barnaul, Altaiskii dom pečati, pp. 596–628.

Velikaya Man'chzhurskaya Imperiya. K desyatiletnemu yubileyu [The Great Manchurian Empire. For the 10th Anniversary]. (1942). Harbin, Gosudarstvennaya organizatsiya Kio-va-kai i Glavnoe byuro po delam rossiiskikh emigrantov v Man'chzhurskoi imperii. 417 p. *Zarubezhnyi kazak* [Zarubezhnyi Kazak]. 1940. Sept.

The article was submitted on 07.02.2022